

Янь Сюню едва исполнилось четырнадцать, он был еще совсем юн. Только что на его глазах человек расстался с жизнью в муках, черная кровь растеклась по полу, едва не коснувшись носков его туфель — их разделял какой-то дюйм. Почему же он сохраняет этот праздный, почти безмятежный вид?

Чжоу Це внезапно ощутил укол безотчетного страха. Хотя Лю Юань до последнего вздоха не признавал ни тайных встреч с Янь Сюнем, ни того, что получил от него яд для убийства Янь Юя, его смерть превратила дело в «самоубийство из страха перед наказанием». Теперь, вне зависимости от того, был ли Второй принц истинным вдохновителем заговора, тень подозрений на нем лишь сгустилась. И все же Янь Сюнь держался так естественно, словно не стоял перед судом, а неспешно прогуливался по дворцовому саду.

По приказу Чжоу Це тело Лю Юаня вынесли из зала. Кровь продолжала сочиться из его рта и носа; когда носилки подняли, густые черные капли сорвались вниз, с мерзким звуком пачкая щеки и шею мертвеца. Гулкое «кап-кап» раздавалось в тишине, ударяя по натянутым нервам присутствующих. Вскоре звуки стихли, оставив после себя лишь липкую лужу и извилистый кровавый след. Тяжелый, металлический запах крови заполнил зал, становясь почти невыносимым, удушающим.

Двое стражников быстро навели порядок, и обширный зал Дали-сы вернул себе прежний строгий облик.

Чжоу Це пристально посмотрел на Янь Сюня:

— Второе Его Высочество, желаете ли вы что-нибудь сказать?

Янь Сюнь поднял голову, прямо встретив взгляд судьи:

— Я не знаю этого Лю Юаня и никогда не встречался с ним тайно. Слова Ван Шу — чистой воды клевета, призванная очернить меня...

Он внезапно замолчал и горько, мимолетно усмехнулся.

— Впрочем... — небрежно добавил он, — поверит ли господин Чжоу хоть единому моему слову?

Чжоу Це, не ожидавший столь прямого вопроса, на мгновение смешался.

— Если Второе Его Высочество невиновно, — наконец выдавил он, — правда со временем откроется. Но если вы виновны, то даже мое доверие не спасет вас от ответа перед законом.

Эти слова были пустым сотрясанием воздуха — обычная судебская уловка. Янь Сюнь лишь равнодушно кивнул:

— Что ж, в таком случае надеюсь, что господин Чжоу приложит все силы, дабы истина восторжествовала как можно скорее.

Теперь, когда Лю Юань был мертв, а других свидетелей не осталось, судье пришлось вновь обратиться к Ван Шу:

— Ван Шу...

— Ван Шу, — Янь Сюнь не дал судье продолжить, властно перехватив инициативу. Он возвышался над коленопреклоненной женщиной, буравя взглядом ее спину. — Ты утверждаешь, что ровно месяц и три дня назад видела меня в павильоне Гуйюй вместе с Лю Юанем. Кто еще может это подтвердить?

Ван Шу не смела обернуться, не видя выражения его лица, но взгляд принца жег ей спину, точно раскаленное клеймо. Когда молчание затянулось, Янь Сюнь повторил, чуть мягче:

— Есть ли другие свидетели?

Голос юноши еще не приобрел мужской хрипотцы; он звучал чисто и звонко, словно брызги ручья, разбивающиеся о камни. В этот раз он добавил в интонацию напускную мягкость, подобную весеннему бризу, однако для Ван Шу это прозвучало страшнее любого крика. Она ожидала увидеть его бледным, трясущимся от страха, ведь именно ее рука толкнула его в эту пропасть. Но вместо этого она чувствовала себя жалкой букашкой, которую он лениво вертит в руках.

Только Ван Шу собралась с духом, чтобы ответить, как один из стражников поспешно подошел к Чжоу Це и что-то зашептал ему на ухо. Судья нахмурился, о чем-то раздумывая, и наконец скомандовал:

— Приведите его.

Вскоре в зал ввели юношу в богатых одеждах. Вид у него был довольно жалкий и испуганный. Завидев Янь Сюня, он робко выдохнул:

— Второй императорский брат...

Это был Янь Хуань. Четвертый принц не просто не сумел выбраться из тюрьмы Дали-сы — он угодил прямо в руки людей Чжоу Це. Теперь, если Янь Сюня признают виновным, младшего брата неизбежно объявят его сообщником.

Янь Сюнь окинул брата быстрым взглядом. Сначала он хотел прикинуться изумленным, но вовремя сообразил: излишняя театральность лишь подстегнет подозрения. Если Янь Хуаня схватили прямо в темнице, их связь очевидна. Если же за пределами...

Янь Сюнь решил не спешить и замолчал, выжидая.

Чжоу Це велел подать Янь Хуаню стул, после чего звучно спросил:

— Четвертое Его Высочество, извольте объяснить, почему вы прятались в тюрьме Дали-сы?

Янь Хуань не ответил. Сжавшись на стуле, он лишь бросал тревожные взгляды на брата. Понимая, что медлить больше нельзя, Янь Сюнь первым встретил его взор и с глубокой признательностью произнес:

— Благодарю тебя, четвертый брат, что пришел навестить меня в столь трудный час.

— Я... — слова брата послужили искрой, разбудившей смекалку Янь Хуаня. — Я увидел, что со вторым братом всё в порядке, и уже собирался уходить, но обнаружил, что обронил свою нефритовую подвеску. Долго пришлось искать ее в темноте, пока наконец не нашел.

С этими словами он разжал кулак: на ладони действительно лежала пластинка прозрачного, чистого нефрита.

Янь Сюнь мельком взглянул на украшение и тут же повернулся к Чжоу Це с вызовом:

— Разве есть что-то предосудительное в том, что младший брат навещает старшего? Почему господин Чжоу приказал схватить Его Высочество?

Формально в визите не было ничего противозаконного. Однако Янь Сюня обвиняли в покушении на Наследного принца, и Янь Хуаню, как их общему брату, следовало бы держаться в стороне. Его тайное появление в темнице еще до рассвета выглядело крайне подозрительно.

Но Янь Сюнь, нанеся упреждающий удар, признал визит с такой обезоруживающей прямоотой, что Чжоу Це, приказавший обыскать темницу, сам предстал в роли притеснителя.

Судья не успел и вздохнуть, как на круглом лице Янь Хуаня отразилась глубокая обида. В его больших черных глазах заблестели слезы:

— Господин Чжоу, я лишь хотел увидеть брата. За что вы так со мной?

— Навещать брата вам не возбраняется, — парировал Чжоу Це. — Но зачем было подкупать стражу вместо того, чтобы официально известить меня? Подобная скрытность не может не вызывать подозрений.

Янь Сюнь холодно бросил:

— И какие же подозрения терзают вас, господин Чжоу? Говорите прямо.

В этот миг снаружи раздался чей-то голос, прервавший их спор:

— Значит, четвертый брат и впрямь здесь.

В зал, опираясь на слугу, вошел человек. Это был Янь Юй, Наследный принц и главная жертва в этом деле. Он был на пять лет старше Янь Сюня и заметно выше, но из-за действия медленного яда его плечи осунулись, а лицо казалось мертвенно-бледным. Его сотрясал мучительный кашель — казалось, он вот-вот выплюнет собственные легкие. Слуги помогли ему опуститься в кресло, которое еще долго вибрировало от его дрожи.

Императрица Чжао, сидевшая за ширмой, не выдержала. Забыв о церемониях, она подалась вперед, внимательно вглядываясь в сына через щели в шелке:

— Сын мой, зачем ты здесь в таком состоянии?

Янь Юй, только сейчас осознав присутствие матери, поприветствовал её и, едва сдерживая ярость, прохрипел:

— Янь Сюнь хотел забрать мою жизнь. Я не мог не прийти и не посмотреть, чем всё это закончится.

— Тебе нужно отдыхать, — мягко уговаривала Императрица. — Господин Чжоу во всём разберется по справедливости.

Янь Юй упрямо качнул головой:

— Я не уйду. Мне есть что поведать господину Чжоу.

— Мы слушаем вас, Ваше Высочество, — поклонился судья.

По знаку Янь Юя вперед вышел мужчина лет пятидесяти. Он тут же пал в ноги судье:

— Господин, я — садовник из внутреннего дворца. Вчера, когда я подрезал кусты у Восточного дворца, я заметил Четвертого принца. Он прятался в зарослях хосты, внимательно следя за тем, что происходит внутри.

Янь Юй подхватил:

— В то время меня терзали кашель и боли, и я призвал лекарей. Пока они пытались установить

причину недуга, Ван Шу просила аудиенции. Очевидно, мой четвертый брат видел ее визит.

Янь Хуань на самом деле искал брата, чтобы позвать его на стрельбище. Увидев у входа Ван Шу, которая всегда была подле Янь Сюня, он инстинктивно почувствовал неладное и затаился в кустах.

Пока он судорожно соображал, что ответить, Наследный принц продолжил наступление, впиваясь в него взглядом:

— Не затем ли ты явился в Дали-сы под покровом ночи, чтобы предупредить Янь Сюня о доносе Ван Шу? Вы ведь в сговоре, верно? Ждете, когда он взойдет на трон, чтобы ты мог почивать на лаврах, купаясь в роскоши? Или... ты помогаешь ему убрать меня, чтобы потом избавиться и от него и самому занять престол?

Янь Хуань, хоть и рос в императорской семье, где дети взрослеют рано, был еще ребенком. Под градусом обвинений он задрожал, лепеча оправдания:

— Нет, это не так... я не...

Но тут Янь Сюнь, сохранявший ледяное спокойствие, посмотрел на Янь Юя и тонко улыбнулся:

— Речи императорского брата куда складнее и увлекательнее тех басен, что рассказывают на рыночных площадях.

Намек был прозрачен: всё сказанное — не более чем вымысел.

Затем Янь Сюнь вновь повернулся к Ван Шу:

— Ван Шу, ты утверждаешь, что своими глазами видела мою тайную встречу с Лю Юанем месяц и три дня назад. Ты видела, как он столкнулся с прислужницей, несшей поднос с супом. Если твои слова — правда, значит, ты следила за Лю Юанем и даже потрудилась узнать, наказала ли ту девушку матушка-императрица. Раз уж тебе тогда всё это показалось столь подозрительным, почему же ты молчала до вчерашнего дня?

<http://bllate.org/book/17467/1693849>